

Борис Штейн

Военно-эротический роман
и другие истории

Борис Штейн

**Военно-эротический
роман и другие истории**

«Книга-Сэфер»

2007

Штейн Б. С.

Военно-эротический роман и другие истории / Б. С. Штейн —
«Книга-Сэфер», 2007

Новая книга легендарного Бориса Штейна - военного моряка, поэта, докера, журналиста, прозаика, редактора, дрессировщика слонов, таксиста, секретаря Союза писателей, книгопродавца, издателя и прочая, прочая, прочая, - а ныне нового гражданина Израиля. И судя по искрометному лирическому мастерству, с которым автор вспоминает лейтенантскую молодость, очередной вираж долгой и достойной жизни писателя, вынес его не к тихой гавани, а на солнечные пляжи Ашкелона, где все только начинается...

Содержание

Мартын Зайцев	5
***	9
***	12
***	18
***	23
***	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Борис Штейн Военно-эротический роман и другие истории

*Ласковое слово «кая» —
Это по-латышски «чайка»
Потому и пьют так часто
В «Кайе» моряки.
Музыка в кафе такая,
Что никто не спросит чая.
Фирменное просят счастье —
В звездах коньяки.
Вот я приглашаю даму...*

Мартын Зайцев

Они сидели за столиком, два молодых человека в расстегнутых черных тужурках с капитан-лейтенантскими погонами. Кафе гудело, как весенний улей. Сизыми облачками плавал сигаретный дым. Когда оркестр заводил тягучее и томное танго, зал погружался в полумрак, чтобы танцующие могли обниматься, тереться щеками и откровенно целоваться, не стесняясь нескромных взглядов. Атмосфера расслабленности и всеобщего флирта плюс хорошая отбивная под коньячок, плюс вызывающие взгляды «не охваченных» дам — это то, что было нужно обоим друзьям, вымотанным неделями доковых работ. С авральной выгрузкой боезапаса. С бесконечной чисткой бортов пневматическими машинками. С приборками и построениями на подъем флага. С разводами по работам. С инструктажем вахты. С приемками работ у заводских мастеров. Со спорами с заводскими контрагентами. С береговым гальюном, отнесенном метров за семьдесят от дока. С суточными планами. Планами работ. Планами утренних тренировок по борьбе за живучесть. С планами личной подготовки — по устройству корабля, по т. т. д. сил вероятного противника. С планами политзанятий. Куда без политзанятий? Никуда. С курением только на берегу, возле галюна...

— Кстати, официант, сигареты, пожалуйста! «Легерос». Нет «Легероса»? Есть? Пожалуйста.

Официант движением фокусника извлек из кармана жилетки пачку крепчайших кубинских сигарет и аккуратно положил их на столик. Подождал, пока каждый из друзей пристроит в уголке рта «термоядерную торпеду команданто Фиделя» и щелкнул зажигалкой.

— Прошу, товарищи офицеры!

Кайф.

Пошли колечки из дыма, медленно устремились вверх, расширяясь и растворяясь в общей дымовой завесе.

Молчали. О чем говорить? О службе? О службе давно было решено и не заикаться. Иначе — что это за отдых? Продолжение бесконечных совещаний, а не отдых. Но именно службой были наполнены их головы, в особенности, сейчас, во время среднего ремонта с докованием и модернизацией техники. Если бы за их столиком сидел кто-нибудь из непосвященных, из штатских-сухопутных, один из них непременно произнес бы для этого штатского с нарочитой грубостью: «У флотских офицеров существует три стадии опьянения. На первой стадии ругают начальство, на второй — говорят о женщинах, на третьей — об искусстве. Но я лично до третьей стадии никогда не допивался».

Однако за их столиком никто больше не сидел, и сливать флотский юмор было некому.

Одного из них звали Мартыном, а другого – Колей. Надо сказать, что этим паренькам подчинялось добрых три четверти личного состава грозного и изящного эскадренного миноносца: Мартын командовал артиллерийской боевой частью (БЧ-2), а Николай – электромеханической (БЧ-5). Фамилия Мартына была Зайцев, фамилия Николая – Волков. Название эскадренного миноносца – «Озаренный».

– Будь здоров, Коля – подняв широкую коньячную рюмку, сказал Мартын и посмотрел на механика сквозь стекло. Коньяк плескался на самом доньшке. До краев его не наливают: не водка же!

Как в лучших домах...

– И ты будь здоров, Мартын, – ответил Коля и тоже посмотрел сквозь рюмочное стекло. Но взгляд его устремился вовсе не на артиллерию, а на соседний столик, вернее, на двух его обитательниц, и взгляд этот не остался незамеченным: женщины подняли свои бокалы, как бы мысленно чокаясь с офицерами. Улыбаясь.

«Кая» есть «Кая».

Тут уж Николаю не осталось ничего другого, как с первыми звуками очередного танца подняться с места и произвести необходимые приготовления к одиночному плаванию: стул задвинуть, галстук приструнить, тужурку застегнуть на все пуговицы. И едва его слегка мешковатая фигура отчалила от родного берега, женщина поднялась с надоевшего места, и randevu состоялось в двух-трех шагах от ее столика.

Ее подруга посмотрела на Мартына и смешно развела руками: мол, вот я осталась не при делах, чего уж тут подделаешь! И так широко улыбнулась, так по-свойски! Улыбка у нее была такая обезоруживающая, что Мартын сдался немедленно, и через минуту уже танцевал с незнакомкой медленный танец в романтическом полумраке.

Света, однако, хватало, чтоб разглядеть ее лицо, большеротое и большеглазое, и разглядеть подвижность этого лица. Он разглядел. И ощутил

теплоту взгляда,

податливость талии,

нежность руки...

Ее грудь он не ощущал. Сквозь лацкан двубортной габардиновой тужурки – не ощущал.

Но представил...

Представил себе на горе...

Его словно обожгло кипятком – в жизни такого не случилось...

Словно обожгло кипятком, и все напряглось до неприличия.

И он отодвинулся.

Отодвинулся от девушки, чтобы она, не дай бог, не догадалась...

А она вдруг сказала с еле заметным латышским акцентом:

– Ну, зачем вы так? Не стесняйтесь.

И на мгновение прижалась к нему и щекой, и грудью, и всем, чем можно, ко всему, что можно и что нельзя.

И Мартын поднял белый флаг.

Продолжали вечер уже вчетвером. Девушки рассчитались со своим официантом и пересели к молодым людям. До закрытия кафе покидать его никто не собирался, как не уходят из театра до окончания спектакля.

Девушку, с которой началось это приятное знакомство, звали Ниной. Она была стройней и чуть выше соей подруги. Нина работала в музыкальной школе, где ее называли Ниной Васильевной. А девушку, с которой танцевал Мартын, звали Дзинтрой.

– Что-нибудь означает это имя? – спросил любознательный Мартын.

– Да. «Янтарь». Дзинтра означает «Янтарь».

И улыбнулась. Чем нанесла еще один сокрушительный удар по уже поверженному Мартыну.

Тут заскакал-запрыгал общий не слишком осмысленный разговор, в котором были шутки (порой неуклюжие) и комплименты (порой сомнительные), а больше ничего и не было. Во всяком случае, паузы заполнялись, а между танцами существовали все-таки паузы. И Мартыну в какой-то момент стало обидно, что Нину стали бесповоротно называть Ниночкой, а Дзинтра как была Дзинтрой, так Дзинтрой и осталась. И он спросил:

– А как ваше имя будет в ласкательной форме: Дзинтрочка?

Девушка засмеялась:

– Нет-нет. Латыши прибавляют «ня». Но по-русски это звучит некрасиво: «Дзинтриня».

Мартын не согласился:

– Кому некрасиво, а мне кажется, что красиво.

И тут же сочинил, переменив для смеха ударение:

– Дзинтра, Дзинтра, Дзинтриня,
Обижает ты меня!

Он был не чужд поэзии, Мартын Сергеевич Зайцев, один из последних рыцарей нарезной артиллерии! Не чужд, не чужд.

Все посмеялись, и Дзинтра – тоже. Потом вдруг стала серьезной, устремила взгляд огромных зеленых, как у ящерицы, глаз на рыжую, еще не тронутую лысиной шевелюру, заостренный нос, крапленый мелкими веснушками, светлокарие глаза, в которых прыгали веселые искорки.

И нетрезвый гул стих, прекратился.

Оркестр исчез.

Исчезли и многочисленные столики.

Элегантные официанты. Их словно бы и не существовало в природе.

Все стихло, деликатно удалилось, исчезло из поля зрения Мартына.

Остался только этот длящийся взгляд и потрясшая молодого человека фраза почти незнакомой девушки:

– Я тебя никогда не обижу, Мартын!

Теплая прибалтийская весна способствовала малознакомым влюбленным: погода не гнала в поздний час с улицы в помещение, позволяла не отвлекаться. Мартын несколько раз останавливался, чтобы поцеловать Дзинтру. Девушка с загадочной улыбкой подставляла теплые губы. После поцелуя лицо ее становилось еще загадочней, словно говорило: это – только маленькие секреты. До настоящей тайны еще далеко.

Понимал, понимал Мартын, что девушка тянется к человеческому знакомству, доброму разговорному общению, духовной близости. Понимал, но ничего не мог с собой поделать. Потому что кровь ударила в рыжую голову, и ему хотелось сразу всего. И когда, уже в подъезде ее дома он впился в теплые податливые губы и проворно расстегнул пуговицы летнего пальто, Дзинтра легко выскользнула из объятий и посмотрела на Мартына словно бы с удивлением. Его левая рука все же успела лечь на полную грудь, и теперь он смотрел даже не на Дзинтру, а на свою раскрытую ладонь, силясь понять, куда делось то теплое, что только что ее наполнило. Они стояли на расстоянии метра друг от друга, стараясь совладать с волнением, и нервно посмеивались – то ли друг над другом, то ли каждый над собой.

Наконец, Дзинтра спросила:

– Долго ли твой корабль еще будет ремонтироваться?

Мартын не мог ответить на этот вопрос. Во-первых, – военная тайна. Во-вторых, никто точно не знал, как пойдет дело. Поэтому Мартын только пожал плечами и пробормотал:

– Будет пока...

– Вот и хорошо, – обрадовалась Дзинтра. – Значит, у нас с тобой все еще впереди. Сейчас прощаемся, И я буду тебя ждать. Найдешь меня, если захочешь. – Она достала из сумочки визитную карточку. – Здесь мои телефоны.

Мартын не возражал. Он был горячим парнем, но не бестактным, упаси Боже, и, тем более, не наглым, поэтому никогда не предпринимал атаки вопреки воле женщины. К тому же Мартын Зайцев был дисциплинированным офицером и не мог нарушить приказа командира корабля. А приказ был таков: При нахождении в чужих портах сходящие на берег офицеры должны возвращаться на корабль не позже часа ночи. Мартын тяжело вздохнул и стоял молча, опустив голову. Пылкий влюбленный, побежденный обстоятельствами.

Тут уж Дзинтра поставила последнюю точку в сегодняшнем вечере. Она сняла с Мартына фуражку, обняла кавалера за рыжую голову, языком раздвинула его губы и завела язык сначала за одну щеку ошалевшего от этой процедуры Мартына, потом – за другую. Бравый артиллерист понял, что его орудие главного калибра вышло из подчинения и начало самостоятельный поиск цели. Вдруг девушка опустила руку вниз, сжала на секунду боевой ствол и шепнула, обдав Мартына горячим дыханием:

– Береги это. Оно нам еще пригодится.

Оттолкнула от себя рыжего парня, нахлобучила на него фуражку и убежала вверх по лестнице.

Словно сквозь сон услышал Мартын, как отворилась и захлопнулась дверь, и прошло добрых пять минут, прежде чем он вышел из оцепенения. Взглянул на часы. Половина двенадцатого. Он еще успевал на последний автобус.

* * *

*Эсминец назывался «Озаренным».
И сам он был в то время озаренным
Каким-то тайным инфрокрасным светом,
Могучим светом счастья и любви...*

Катарина! – орали корабельные динамики принудительной трансляции, – Э-хэ-хэ! О-хо-хо!

Чушь какая, если вслушаться. Всегда по субботам, во время большой приборки, радисты гоняли эту дурацкую «Катарину». Слова удивляли неуклюжестью, мелодия и голос певца – непонятным телячьим восторгом. По палубе стремительно бежали струи забортной воды, направляемые приборочными шлангами, а на голову беспечной Катарины обрушивались струи теплого латиноамериканского дождя. И вот она на глазах у удивленной публики разулась, чтобы не испортить свои шикарные туфельки. Чем и исчерпывалась интрига незамысловатого сюжета. Финал был совсем неудобоваримый:

– Босиком, так пошла Катарина!

Куда пошла, зачем пошла, и в чем, собственно дело? А ни в чем. Пошла себе! «Босиком, так пошла!» – восхищался жизнерадостный исполнитель. Кажется, это был Эдуард Хиль. Или Вадим Мулерман. Неважно. Дзинтра наверняка бы не перепутала. Она любила эстрадную музыку – и латышскую, и русскую. И узнавала исполнителей с первой ноты. Была бы Дзинтра рядом, Мартын бы растолковал ей нелепость текста, и они вместе бы посмеялись. Но Дзинтры рядом не было, к сожалению, и Мартыну оставалось общаться с теми, кто находился в непосредственной близости, то есть с матросами-приборщиками шкафутов и юта. Он с ними и общался.

– Старшина! – закричал он вдруг, – а подволоки, подволоки кто будет мыть? Пушкин?

Но негодования не было сегодня в его голосе, не было годами отработанных командирских раскатов грома.

– Сделаем, товарищ капитан-лейтенант! – весело отозвался старшина Кравчук, забрал у матроса шланг и направил струю вверх, на подволоку.

А над палубой уже гремело:

– Над лодкой белый парус распушу —
Пока не знаю с кем...

«Ну, это уж точно Хиль!» – подумал Мартын и почему-то обрадовался. Да он всему радовался сегодня. Субботний день катился без помех и отклонений, как минная тележка по палубным рельсам. Большая приборка закончится за час до обеда. 55 минут уйдет на прием качества приборки по объектам. После обеда будет подведение итогов за неделю. После ужина – увольнение на берег личного состава, сход на берег офицеров, кино в 5-м кубрике и в офицерской кают-компании, личное время. Но Мартына на киносеансе в кают-компании не будет. У Мартына будет сегодня совсем другое кино, совсем другое! Старший матрос Серпов, должно быть, уже надраил пуговицы на форменной тужурке капитан-лейтенанта и отутюжил брюки. Старший матрос Серпов – приборщик каюты командира БЧ-2. По боевому расписанию он вертикальный наводчик первого зенитного орудия, а по расписанию по приборкам – приборщик каюты. Подобрать правильного приборщика своей каюты – дело непростое, но Мартын за пять лет офицерской службы в этом преуспел. Человек должен быть старательным, толко-

вым, преданным и – не болтуном. Официально – приборщик, неофициально – плюс к тому и вестовой. Таким и был Вениамин Серпов, уроженец небольшого города с уютным названием Вышний Волочок.

Веня Серпов и прервал ход приятно текущих мыслей своего командира. Ловко увернувшись от струи воды, он подлетел к Мартыну – ладненский, в чистой робе, словно не с большой приборки, а с утреннего осмотра.

– Товарищ капитан-лейтенант, Вы сегодня заступаете в караул на гарнизонной гауптвахте! – доложил он. – Старпом ждет Вас у себя в каюте для инструктажа. Разрешите идти? Четко повернулся на мокрой палубе, приложив руку к берету, и начал обратное движение с левой ноги, опустив руку, отдававшую честь только до уровня бляхи.

Ну, просто все по уставу, – уныло подумал Мартын. Впрочем, нет, не все: положено сделать три строевых шага, и только потом двигаться вольно, Веня же перешел на бег несколько раньше. Потому что торопился начать подготовку к караульной службе теперь уже не тужурки, а кителя своего боевого командира.

Что-то сбилось в планах патрульной и караульной службы гарнизона, появились какие-то внезапные вводные у летчиков, в результате внеплановый караул выпал дивизиону ремонтирующихся кораблей, в дивизионе выбор пал на «Озаренный», а уж на «Озаренном» – на капитан-лейтенанта Мартына Зайцева.

Через четыре часа Мартын спускался по маршам докового трапа в начищенной форме, с пистолетом на правом бедре. За ним цепочкой следовали семь матросов, вооруженных автоматами – состав караула. Многообещающее свидание с Дзинтрой, к величайшему сожалению, откладывалось. Утешала только мысль о городском телефоне в комнате начальника караула. После приема караула можно будет позвонить любимой девушке, поговорить с ней, насладиться звуками ее голоса. Конечно, голос это не глаза не рот и не тело. Но это лучше, чем ничего. Глядя на ополовиненную бутылку коньяка, пессимист горюет, что полбутылки, увы, уже нет. Оптимист же радуется, что, ура, полбутылки еще осталось. Мартын старался быть оптимистом.

– Привет, авиация! – сказал капитан-лейтенант Зайцев, входя в комнату начальника караула.

– Привет, флот! – ответили ему. – Держи опись имущества.

Принимай, давай.

Мартын не в первый раз заступал здесь в караул, и опись эту знал, в сущности, наизусть. Однако, пробежал ее глазами и, дойдя до восьмого пункта, усмехнулся. Восьмым пунктом значилась «героика в рамке» – две штуки. Седьмой было «пирамида оружейная», а восьмой – «героика в рамке». На самом деле это были два плаката, нарисованных очень плохим художником. На первом плакате некий карикатурный враг коварно подкрадывался к охраняемому объекту, а часовой пока его не видел. На втором же плакате часовой в нарядном белом полуботинке уже наставил автомат на распростертого на снегу злоумышленника, а на заднем плане спешила помощь в лице, надо полагать, разводящего и двух бойцов бодрствующей смены. Вот такая героика. В рамке. Имущество все оказалось в наличии, осталось принять арестованных согласно списку, занесенному в специальную книгу. Пошли по камерам. Общие камеры. Переключка. Осмотр помещения. Чисто. Пусто. Следов курения нет. Сигаретами не пахнет. Вывернуть карманы. Спичек, бумажек нет. Жалобы? Жалоб нет. Одиночные камеры. Так. Старший матрос Фунтиков. Вытянулся, докладывает:

– Старший матрос Фунтиков. Арестован на десять суток комендантом гарнизона. Отбываю шестые сутки.

– За что арестован?

– За пьянство и нетактичное поведение в общественном месте.

– Как же это вас угораздило, старший матрос?

– Так получилось.

Уточнять Мартын не стал, чтобы не затягивать смену караула. В глазах сменяемого капитана читались тоска и нетерпение.

– Рядовой Карпов. Арестован за пьянство и дебош в общественном месте.

– Как же это вы, рядовой...

– Так получилось.

Это был универсальный ответ набедокуривших военнослужащих независимо от рода войск.

– Вы выпили бутылку водки в подворотне, отправились на вокзал, где приставали к женщинам, задирая у них юбки. Милиционеров ругали нецензурными словами и оказали сопротивление при задержании военным патрулем. Как вы можете объяснить...

– Так получилось.

Как бы само получилось, а я здесь не при чем.

– Старшина второй статьи Демурджан. Арестован на пятнадцать суток...

Смуглый, аккуратненький, глаза большие, выразительные, смотрит серьезно.

– За пьянство?

– Нет, за блядство.

– Что?!

Усталый капитан, старый начальник караула закивал успокоительно, мол, это не дерзость: так оно и есть. Но Мартын все же спросил:

– То есть, как?

– Я служу на тральщике. Радистом. Командир отделения радистов. Тральщик сейчас в ремонте. Радиорубка – мое заведование.

– Ну и что?

– Ну и я привел девушку. Она жила в радиорубке две недели.

– Как это жила?

– Жила. Еду я приносил с камбуза. В гальюн ходила в моей робе. Берет тоже мой надевала. Я сделал ей короткую стрижку. Я умею. Радисты обеспечивали. Никого не пускали в гальюн в это время, говорили – ремонт.

– Что вы еще умеете?

– Все. Я умелец. И радист первого класса.

Мартын молчал, обескураженный. Летный капитан только посмеивался: он уже слышал эту историю. И, словно радушный хозяин, угощал ею Мартына.

– И что, за все это вопиющее всего пятнадцать суток? – спросил Мартын.

– Не знаю, – спокойно ответил старшина второй статьи Демурджан. – Ко мне приходил военный дознаватель. Может быть, попаду под трибунал. Потому что родители моей девушки искали ее. А у них родственник в милиции какой-то начальник. Так что ее оперативно объявили во всесоюзный розыск. Она в рубке радио слушала, УКВ, услышала про розыск. Испугалась, побежала сдаваться. Без робы, в платье, ее и задержали на КПП.

– По моим скромным прикидкам два года дисбата светит тебе орел, как аэродромный прожектор.

Демурджан стал очень серьезным и заявил офицерам:

– За две недели счастья на боевом посту можно оттрубить два года дисбата.

Капитан-лейтенант Зайцев вдруг представил себе тесную радиорубку тральщика и раздетую девушку на узком рабочем столе перед пультами окрашенной в унылую шаровую краску аппаратуры. Кровь ударила в веснушчатое лицо, и он стремительно вышел из камеры, чтобы летчик не заметил, как покраснел мореплаватель. Остальные камеры осмотрели бегло, убеждаясь лишь в наличии арестованных.

* * *

*Как стаи птиц, проносятся недели.
Полощет ветер флаги кораблей.
Но, черт возьми, в мужском здоровом теле
До срока дремлет шальной дуралей.*

*До срока дремлет, не дает сигнала.
Как будто – нет. Как будто – неживой.
Но час пробил, его пора настала,
И он овладевает головой.*

*Толкает нас и гонит, как на поезд
И совесть в стойло загоняет впрок.
Стремителен, как спринтер, и напорист,
И жаден, и азартен, как игрок...*

Мартын Зайцев окончил мужскую среднюю школу и сразу поступил в военно-морское училище. Таким образом, простого общения с девочками и молодыми женщинами в его жизни не случилось. Что уж говорить о периоде корабельной службы! В нем, как и в тысячах его сверстников, всей окружающей жизнью был воспитан определенный аскетизм и убеждение, что плотское влечение является делом постыдным. А оно жило в нем, не смотря на это, и не думало утихомириваться. Особенно досаждало это непозволительное чувство в курсантские годы, на училищных танцевальных вечерах, куда приходили студентки из ленинградских институтов. Оно заставляло двадцатилетних девственников заправлять восставшую плоть под флотский ремень и держать ее в заточении несколько часов. Часто после таких вечеров, после напряженных дистанционных контактов Мартына посещали эротические сны, которых он, конечно стыдился. Стыдился сам перед собой. Напряженная офицерская служба в какой-то мере вытеснила из него не предусмотренную корабельным уставом дурь. В какой-то мере, не полностью. Не полностью, нет. Новая знакомая, соблазнительная латышская девушка, своей простодушной откровенностью словно бы открыла шлюзы, обрушив на его рыжую голову потоки – но не воды, а запретных чувств и горячечных мечтаний. Потому-то история арестованного радиста и произвела на Мартына такое непозволительно сильное впечатление.

Между тем, Мартын Зайцев был женат. Женился он по расчету. По незамысловатому курсантскому расчету. Расчет был такой: Офицерская служба трудна и однообразна. И нести эту службу женатому лучше, чем холостому. Жена рассматривалась, как станция размагничивания – и телесного, и душевного.

Из поколения в поколение передавалась в училище легенда о том, как некий выпускник вышел на Невский проспект, остановил незнакомую девушку и говорит:

– Девушка, меня направляют служить на Дальний Восток. Давайте поженимся и поедем вместе. Ленинградка окинула взглядом ладную курсантскую фигуру и неожиданно ответила:
– А поехали!

И они жили дружно и хорошо, и тот курсант, став офицером, преуспел по службе.

Многие однокашники Мартына старались к выпуску наладить отношения со студентками, с которыми знакомились на танцах. При строгом режиме нечастых увольнений в город это было не так-то просто. Некоторые иногда фланировали по Университетской набережной, возле, например, филологического факультета, надеясь на уличное знакомство: «Девушка, не скажете, сколько времени?» или «Как пройти на Невский? Вы тоже? Пойдемте вместе...» и т. д.

Мартын отмахивался от несерьезных мыслей, он нешуточно готовил себя к профессии, на стажировке исполнял обязанности старшины команды, участвовал в стрельбах, в том числе и призовых, много занимался. Командир БЧ-2, у которого он стажировался, сказал ему:

– Я мог бы зачесть вам стажировку даже без экзамена – за знания, которые вы обнаружили на практических стрельбах. Но я вижу в вас способности и хочу, чтобы вы стали в будущем не просто грамотным артиллеристом, а настоящим мастером. Мастером нарезной артиллерии, каковым, как вы знаете, сегодня считают меня. Поэтому я буду принимать у вас экзамен с пристрастием. Я буду гонять вас по системе ПУС. Теорию, практику и схемы взаимодействия приборов управления стрельбой потрудитесь выдолбить наизусть. Иначе я просто не поставлю вам зачета.

И Мартын долбал начинавшие устаревать ПУС, не досыпал, не ходил на берег, а когда запутывался в схемах, обращался к артиллерийскому командиру, и тот, не жалея времени, распутывал с ним трудные узлы. В хрущевскую эпоху разворота военной мысли от традиционных пушек к самонаводящимся ракетам молодой Мартын Зайцев готовился пополнить собой редющие ряды асов нарезной артиллерии. Так что ему было не до глупостей.

И все-таки он женился. Он женился на спокойной девушке, выпускнице филфака, с которой познакомился на вечере в родном училище. Мартын пригласил ее на русский балльный, и они без задора, но и, не лентясь, проделали все необходимые притопы и повороты. Девушка удивляла невозмутимостью. Когда объявили «белый танец», она проплыла по залу, как корабль по проложенному курсу и, оказавшись лицом к лицу с Мартыном, слегка поклонилась. Девушке тоже предстояло распределение, и отправляться в одиночестве в захолустье ей не особенно улыбалось. Все родственники, начиная с мамы, убеждали ее, что замужество – такая же необходимая в жизни вещь, как университетский диплом. И убедили. И Лиза пошла на курсы балльных танцев, где выучила все, что разрешалось в то время танцевать. Русский балльный. Венгерский балльный. Падеспань. Пад-и-патенер. Вальс-гавот. Вальс-мазурка. Вальс. Не так уж мало. Все эти танцы отличались некоторой физкультурностью и отсутствием взаимного прикосновения. Но Лизе это было безразлично. Природа словно бы забыла разбудить в ней женское начало, и мужчины ее, в сущности, не интересовали. Однако жизненную программу нужно было выполнять. И она выполняла ее так же прилежно, как другие, освоенные ей программы: школьную и университетскую. Лиза всегда хорошо училась. И когда однажды, проводив Лизу до парадной, Мартын дисциплинированно испросил разрешение на поцелуй, Лиза поинтересовалась:

– Это нужно?

Мартын подтвердил:

– Да, нужно.

И Лиза спокойно разрешила:

– Целуй.

Они поженились за два месяца до окончания своих учебных заведений.

Первая брачная ночь явилась для обоих первым опытом сексуальной близости. Это происходило в Лизиной квартире. Ее мама ушла ночевать к сестре, оставив молодых наедине.

Мартын забрался в постель и, волнуясь, ждал свою первую женщину. Она скоро пришла, легла рядом. На ней была кружевная комбинация и бюстгальтер. Мартын никогда прежде не видел женщин в белье. Он обнял молодую жену, прижался к ней всем телом. Подумав, Лиза тоже обняла Мартына. Мартын схватил рукой свой горячий набухший член, им овладели сразу два чувства: отчаяние и стыд. Отчаяние – оттого, что вдруг оказалось: если он не воткнется немедленно в женщину, произойдет взрыв. Взорвется сам молодожен. Стыд оттого, что нужно было что-то непотребное делать с Лизой: снимать с нее трусы, раздвигать ноги... Но трусов на умной Лизе, к счастью, не оказалось, ноги она без паники раздвинула сама.

Нельзя сказать, что Мартыну было приятно. Проникнув в щель, он почувствовал неудобство и боль, и, лишь, когда семя толчками ушло из члена, наступило облегчение.

Лиза безмолвствовала. Когда Мартын лежал на ней, она его не обнимала, позволяя свершаться предписанному природой. Потом спокойно сказала:

– Надо сходить в ванную. Сначала я.

Сходила.

Сходил и Мартын. Вымыл свое обмякшее хозяйство, вернулся, лег рядом с женой. Что-то подсказывало, что теперь ее необходимо приласкать. Погладил по плечу, коснулся груди в вырезе комбинации, поцеловал в щечку. Она не возражала, но и не проявила ответного движения. И Мартын уснул спокойным сном. В шесть вскочил по сигналу внутреннего будильника, попил воды из графина и отправился в училище. Лиза спала. Лицо ее было спокойным и серьезным.

В Балтийске, куда попал служить Мартын, Лиза нашла работу в школе. Она была хорошей учительницей, спокойной, рассудительной и добросовестной. Времени у нее всегда было в обрез. Подготовка к урокам, проверка диктантов и сочинений, да еще курсы испанского языка, на которые она записалась, приводили к плотному графику ее вечерней жизни. Курсы были созданы при гарнизонном Доме офицеров. Некоторые офицеры поступили на них с расчетом на возможную командировку на Кубу. Лиза же – с неопределенной целью самосовершенствования. И на курсах этих, в общем, ненужных, училась, как всегда, примерно.

С Мартыном виделась редко. Мартын служил на сторожевом корабле, Сторожевые корабли выходили в район боевой подготовки в пять утра во вторник и возвращались в двадцать три часа в пятницу. Примерно. Иногда на несколько часов позже. Так что на берегу офицерам случалось бывать нечасто. Но это ее не удручало.

Посещения мужа входили в график ее жизни. Она спокойно раздевалась и лежала в постели неподвижно, пока Мартын входил в нее и разражался семенем. Сама она ни разу не испытывала что-нибудь похожее на экстаз. Как женщина образованная, где-то о чем-то, связанным с этим, читала, но стремления к этому не испытывала совсем.

Мартын, в общем, был несколько разочарован прелестями супружеской жизни. За годы затянувшегося воздержания воображение наладилось рисовать картинки какого-то неясного блаженства, улета в недостижимые сферы. На деле все оказалось проще и неинтересней. Но жить, служить и овладевать специальностью ему это не мешало. Как обстояло с этим вопросом у его флотских товарищей, Мартын не знал: у мужчин не принято болтать на эти темы. Однако извечное стремление к женщине не покидало оторванных от дома моряков – от командира до матроса. Однажды, когда корабль нес месячное боевое дежурство, в офицерской кают-компании показывали кино. Это был чехословацкий детектив с отважной контрразведчицей, молодой красоткой в чине капитана. И вот по ходу сюжета она оказалась на пляже, где исподволь вела наблюдение за каким-то типом. Но наблюдение-то вела, валяясь на песке в таком умопомрачительном бикини, который не закрывал в сущности ничего. Тут командир, человек для остальных офицеров недостижимый, отделенный от них стеной субординации, вдруг скомандовал:

– Стоп!

Кинемеханик остановил бабину. На экране застыло изображение голой по сути дела контрразведчицы. Народ в кают-компании замер. Не было в то время в нашей стране ни «Плейбоя», ни других подобных изданий, так что народ замер в изумлении, созерцая тело прекрасной чешской актрисы. И командир повел себя тогда незабываемо. Он сказал:

– Старший лейтенант Зайцев, поднимитесь на мостик, подмените вахтенного офицера. Пусть спустится, тоже посмотрит.

Проявил заботу.

«Что-то есть в этом во всем, – думал смысленный человек Мартын Зайцев, – если даже командир проявил заботу о вахтенном офицере». Но скоро корабль огласила команда «Боевая тревога! По местам стоять, с якоря сниматься!» И бесполезные мысли выдуло из головы морским ветром.

Вскоре старательного Мартына повысили по службе, перевели со сторожевого корабля на эскадренный миноносец, и он возглавил артиллерийскую боевую часть на том самом эсминце «Озаренный», где проходил два года назад стажировку. Сменил своего наставника, ветерана нарезной артиллерии, переведенного в штаб дивизиона эскадренных миноносцев. Служба шла, и шла неплохо.

Жене, несмотря на отсутствие ярких чувств, не изменял. Если и сходил на берег в других гаванях, то шел чаще всего в читальный зал местного Дома офицеров, где читал толстые журналы и просматривал подшивки «Морского сборника». Он был не чужд литературы и интересовался историей отечественного флота.

Был у Мартына пример для подражания. Всеми уважаемый минер – командир БЧ-3 капитан-лейтенант Юрий Петрович Обозов. Жена Обозова жила в Ленинграде, и Юрий Петрович на берег вообще не сходил. Месяцами. И даже, за исключением отпусков, годами. Серьезный и правильный человек, он без жены не признавал никаких развлечений. Будь то кино, театр или, тем более, кафе-ресторан.

За свою серьезность и старательность по службе Обозов пользовался всеобщим уважением. Командир называл его по имени-отчеству, а товарищи-сверстники – фамильярно-почтительно Петровичем. Ко всему прочему Петрович готовился к вступительным экзаменам в академию, чтобы, поступив, по крайней мере, три года не разлучаться с любимой женой. Академия находилась в Ленинграде.

– Правильно, Петрович, – шутили друзья. – Береги боезапас.

В Питере отстреляешься по полной программе. Обозов смущенно отмахивался и с новой силой погружался в учебники.

В академию Обозов поступил. А вот «отстреляться по полной программе» – сорвалось. Обожаемая жена, как выяснилось, давно ему капитально изменила и, не поднимая шума, потихоньку зажила с новым мужем, далеким от морских скитаний. Новоиспеченный слушатель академии ей нужен был только для того, чтобы оформить развод. Обидно, конечно за Петровича, но и такое каютное затворничество – это тоже перебор.

Мартын Зайцев сидел в комнате начальника караула и нерешительно поглядывал на телефон. Он сомневался: прямо сейчас позвонить Дзинтре или отложить удовольствие на двадцать минут, за которые он проверит караул и сделает соответствующую запись в журнале. Решил отложить. Сначала служба, а потом уж безмятежный разговор, которому не будут мешать мысли о невыполненных обязанностях. И Мартын отправился проверять караул.

Слово «ало» произносится на всех языках одинаково. Это удобно. Особенно в том городе, в котором имеют равное хождение два языка, Скажем, латышский и русский. И если тот, кому звонят, обоими языками владеет. И, услышав отзыв на свое «ало», подключает нужный язык. Например, услышав «Здравствуй, Дзинтра, это Мартын», подключает не только нужный язык, но и нужную интонацию и говорит:

– Здравствуй, Мартын, когда мы увидимся? Я уже соскучилась!

Тепло и доверительно.

Мартын представил себе девушку в домашней обстановке, почему-то в зеленом халате, желанную и доступную.

«Что я тут делаю в тусклых стенах с «героикой в рамке», когда в получасе ходьбы отсюда...» – мелькнула шальная мысль. Мелькнула, не больше.

– Я тоже соскучился по тебе, Дзинтра, но сегодня я не приду: Я в карауле. Здесь есть городской телефон, я тебе позвоню еще несколько раз... Когда ты ляжешь спать?

– Я бы лучше легла спать с тобой, – сказала Дзинтра. Мартына кинуло в жар.

– Не издевайся надо мной, милая Дзинтра. Я же на службе.

– Мартын, – помолчав, спросила Дзинтра, – а если бы мы встретились, ты бы меня поцеловал?

– Поцеловал бы, Дзинтра.

– Крепко? Мартын тихо сказал:

– Нежно.

– Очень мило, – послышалось в ответ. – А я бы тебя – крепко.

– И я бы – крепко.

– А еще что бы ты сделал?

– С тобой?

– А с кем же? – рассмеялась Дзинтра. Мартын дышал в трубку и молча волновался.

– Ты покраснел? – поинтересовалась Дзинтра.

– С чего ты взяла?

– Так, подумала. Рыжие вообще чуть что – краснеют.

– Не дразнись! – бухнул Мартын.

– Так что бы ты сделал? – не унималась коварная латышка.

– Я бы развязал пояс твоего халата.

– Халата? Какого халата?

– Зеленого.

– Почему зеленого?

– Под цвет твоих глаз.

– Ты очень милый. Но у меня нет зеленого халата.

– Жаль.

– А что другой халат ты бы развязывать не стал?

Какое-то озорство овладело Мартыном. И он вместо прямого ответа вдруг спросил:

– Честно сказать или соврать?

На другом конце провода раздался смех.

– Скажи честно.

– Я бы снял с тебя любую тряпку, какого бы цвета она ни была.

– Мартын, ты такой хороший, но зачем ты пошел сегодня в этот дурацкий караул?

– Потому что я военный человек, Дзинтра, – грустно, но с достоинством сказал Мартын.

– Я это заметила еще в кафе, – парировала остроумная девушка. Помолчав, продолжала:

– Ну ладно, с халатом справились. А что бы ты потом стал делать?

– В каком смысле? – задал Мартын довольно глупый вопрос.

– В простом. Что бы ты стал снимать с меня после халата?

Мартыну стало больно. Он просунул руку в штаны и заправил то, что рвалось вон из брюк, за пояс, схваченный тонким ремешком.

– Ну, хватит, – мягко сказал он. – Я же на службе!

– На своей дурацкой службе! – подхватила девушка. И участливо спросила:

– Разобрало тебя?

– Да уж, – честно признался Мартын.

– Понимаешь, мы так мало знакомы, и у нас так мало общих интересов для разговора...

А эротика это – общий интерес.

– Эротика?

– Да. То, о чем мы с тобой говорили – эротика. Ты что, Мартын, необразованный?

– Я? Почему? У меня высшее образование.

– Необразованный, необразованный, я чувствую. Но мы займемся твоим образованием, ведь так?

– Так. Сейчас я прощаюсь. Тут дела у меня. Ближе к ночи позвоню.

– Позвони, позвони, я спою тебе песенку. Сейчас прорепетирую, а когда ты позвонишь, – спою.

Мартын положил трубку на рычаг и долго сидел, безвольно опустив руки и поматывая рыжей головой. Надо же: эротика!

Он позвонил ей в двадцать три часа десять минут – после смены караула.

– Как долго тебя не было, – упрекнула Дзинтра. – Голос ее был теплым и доверительным. – Я приготовила для тебя песенку. Вот послушай... Я только подтяну телефон к пианино и приспособлю трубку... Вот так. Тебе слышно?

Голос ее удалился, ослаб, но Мартын сказал, что да, слышно.

Она пела под собственный аккомпанемент латышскую песню. Слов Мартын, конечно, не понимал. Мелодия не произвела впечатления. Она была какой-то слишком правильной, «квадратной», без неожиданных отступлений, убеганий и возвращений, которыми изобилывала советская музыкальная эстрада. Но было трогательно уже то, что девушка поет в телефон специально для начальника караула Мартына Зайцева.

Потом Дзинтра сказала, что это народная песня, латыши поют ее в семейном кругу и в застолье. Это было странно. В застолье? Такую «гладкую» песню, безо всякого озорства? Как по-разному у всех...

Они поговорили об этом. Потом договорились, что в среду Мартын придет к Дзинтре в гости. На прощанье девушка поцеловала микрофон телефонной трубки. Мартын положил трубку на рычаг, стер с лица блаженную улыбку и вернул себе строгий облик начальника караула.

* * *

*Ты прими мою голову, милая,
Положи на высокую грудь...*

Эскадренный миноносец «Озаренный» вышел из дока и приступил к береговой стадии ремонта. Мартын Зайцев принимал у заводской бригады согласование приборов управления стрельбой. Десятки сельсинов – небольших трехфазовых моторчиков – должны были быть выверены по единому нулю и по любому произвольно взятому направлению. Сельсины, сельсины, труженики артиллерийской автоматики! Любой их сбой грозил провалом будущих артиллерийских стрельб. Мартын носился по кораблю, как угорелый. Он взлетал на КДП – командно-дальномерный пост, списывал показания приборов, потом скатывался по скобтрапу в вниз, проверял шкалы орудийных прицелов и спускался в ЦАП – центральный артиллерийский пост, который находился ниже ватерлинии. Однажды на палубе его перехватил рассыльный дежурного по кораблю.

– Товарищ капитан-лейтенант! Старпом сказал, чтобы вы, когда освободитесь, прибыли в его каюту.

Уважает Мартына начальство. Не «вызывает старпом», а «когда освободитесь»!

Освободился Мартын перед самым обедом. В каюте старпома оказался гость – флагманский артиллерист Балтийского флота – крупный немолодой мужчина с погонами капитана первого ранга.

– Товарищ капитан первого ранга! Разрешите обратиться к старпому! – дисциплинированно начал Мартын.

– Отставить! – Сказал флагарт. – это я вас вызывал. Садитесь, пожалуйста.

Мартын сел на короткий диванчик.

– Скажите, Мартын Сергеевич, до службы на «Озаренном» вы были знакомы с дивизионным артиллеристом?

– Так точно! – отрапортовал Максим. Диварт – мой учитель. Я проходил у него стажировку здесь, на «Озаренном». – Чуть подумал и добавил: – это настоящий ас нарезной артиллерии.

– Мамонт, – откликнулся флагарт. И этих мамонтов осталось совсем немного. А нарезная артиллерия пока еще преобладает на флоте. Вот и дивизионный ваш через три месяца уходит на пенсию.

– Как на пенсию? – удивился Мартын. Он ощущал себя пробегающим первый этап интенсивной жизни и сослуживцев своих рассматривал, как товарищей по команде, азартно бегущих в одном направлении. И вдруг – на пенсию! Это что ж – такая короткая дистанция? Вслух сказал:

– Он же молодой еще, диварт!

– Сорок пять, – сказал флагманский артиллерист. – Он просто выглядит моложе.

Мартын молчал. А «флажок» продолжал:

– Вы капитан-лейтенант Зайцев, котируетесь на его место. Диварт вас рекомендует. Аттестации по службе у вас тоже положительные. Вы скажите мне, только серьезно: справитесь?

И Мартын серьезно сказал:

– Справлюсь.

И вдруг ему причудилось, что здесь, в старпомовской каюте, незримо присутствует Дзинтра и смотрит на Мартына, на то, какой он серьезный и уважаемый начальством человек, и в ее больших зеленых глазах плещется тихое одобрение. В этот момент в динамике принудительной трансляции что-то шелкнуло, оборвалась музыка, и голос дежурного офицера произнес:

– Команде обедать!

– Мартын! Наконец-то! Ой, какие цветы, как это мило! Заходи, раздевайся. Шинель сюда... Не шинель? А что же это? Плащ-пальто? Как интересно. А я и не знала. Вот сюда повесть свое пальто... плащ. Проходи в комнату... не надо разуваться, вытри ноги, и все. Проходи. Знакомься: это мои родители. Мама, папа, это Мартын, мой друг.

Родители! Они совершенно не входили в планы Мартына на сегодняшний вечер. Это была неожиданная вводная, как говорят на флоте. Но Мартын, человек собранный, ничем своего разочарования не выдал, сдвинул каблучки, слегка наклонил голову:

– Мартын Сергеевич Зайцев!

И стоял, ждал, первым руку не протягивал – Имант! – представился отец, пожимая крепкую веснушчатую ладонь.

– Простите, а отчество?

– У нас по отчеству называют только на партийных собраниях. Имант и все.

Это был коренастый человек, от него веяло спокойствием и какой-то надежностью. И рукопожатие у него было крепкое.

А маму Дзинтры звали Инге. Она подала руку ладошкой вниз – скорее для поцелуя, чем для рукопожатия. Мартын колебался всего мгновение. В голове пронеслось: «А и мы не лаптем щи хлебаем!»

Он склонился в поклоне и приложился к ухоженной женской руке.

Дзинтра демонстративно похлопала в ладоши: ай да Мартын!

Квартира состояла из двух комнат: большой проходной и маленькой «девичьей». В большой комнате отодвинутый от стены шкаф образовывал некий альков, где спали родители Дзинтры. Таким образом, если девушка возвращалась домой поздно, она проходила к себе, не разбудив маму и папу.

Обстановка «девичьей» состояла из неширокой кровати, письменного стола, пианино, тумбочки, на которой стояла радиолка, узкого шкафа, двух кресел и пуфа. Войдя вслед за Дзинтрой в комнату, Мартын увидел, что кресла стоят друг против друга, между ними – пуфик, превращенный в своеобразный столик. Для этого на пуфик положена квадратная дощечка, покрытая салфеткой, а на дощечке – вино, бокалы, бутерброды и печенье. Начало свидания было многообещающим. Дзинтра поставили на проигрыватель пластинку. Тихая музыка разлилась по комнате – уместный фон для легкого вина.

Они сидели друг против друга, поднимая бокалы. Мартыну казалось, что они давно знакомы, и то, что он о ней ничего знает – досадная случайность. Вдруг вот что бросилось Мартыну в глаза: На Дзинтре был зеленый халат. Новый, ненадеванный – нестиранный. Купленный, стало быть, специально, чтобы понравиться Мартыну.

– Вот ты и покраснел, – засмеялась Дзинтра. – вспомнил разговоры о зеленом халате?

Мартын не ответил на этот вопрос. Дзинтра выглядела соблазнительно, притягивала к себе, как магнит притягивает к себе стальной болт. Но не мог же он вскочить с кресла и, как дикарь... Не мог. И, осушив бокал, спросил:

– Скажи, а где ты работаешь? Я ведь тебя совсем не знаю... Дзинтра засмеялась:

– Это тебе мешает?

– Нет, сказал Мартын, – но все-таки интересно.

– А в визитку заглянуть не догадался?

– Только номер телефона посмотрел, – сказал Мартын и покраснел.

– А прочитать два слова времени не хватило? – засмеялась Дзинтра. – Понимаю: служба. Только соберешься почитать визитку, а служба – тут как тут...

– Да ладно, – отмахнулся Мартын. И неожиданно для самого себя бухнул:

– Меня на повышение выдвигают...

– Здорово, – одобрила Дзинтра, перестав смеяться, А я работаю в горисполкоме, в отделе озеленения. Начальником отдела.

– Начальником? – удивленно воскликнул Мартын, но интерес к вопросу потерял, взгляд его упирался в дверь, вернее – в задвижку на двери.

– Начальником – подтвердила Дзинтра. – Ты у себя там начальник, вот и я тоже...

Мартын молчал некоторое время, потом решил:

– Дзинтра, можно я запру дверь на задвижку?

– Зачем? – удивилась Дзинтра.

Тут уж Мартын, как следует, покраснел:

– Родители...

– С тех пор, как мне исполнилось шестнадцать лет, мои родители ни разу не заходили в мою комнату без стука. А сейчас вообще не подойдут к двери.

– Почему?

– Потому что ты у меня в гостях. Это так просто...

Просто-то просто, но при одной мысли, что они могут появиться в этой комнате, молодого человека сковывало непобедимое оцепенение. Вдруг хлопнула наружная дверь. Мартын вопросительно посмотрел на Дзинтру.

– Они ушли в кино, – улыбнулась девушка. – Между прочим, фильм двухсерийный.

Мартын поднялся с кресла. Дзинтра поднялась ему навстречу. От волнения артиллерист потерял дар речи.

– Не спеши, – сказала Дзинтра, когда Мартын принялся расстегивать ее халат. – Все это так приятно! Не надо торопиться.

Мартын покорно замедлил движения. Ему самому вдруг показалось, что нет ничего приятнее самого процесса раздевания любимой женщины. Оставшись в комбинации, Дзинтра такими же неспешными движениями сняла с Мартына тужурку, потом галстук, потом принялась расстегивать форменную кремовую рубашку. Мартын не выдержал и впился губами в теплые, мягкие губы своей подруги. Дзинтра прильнула к нему всем телом. Поцелуй длился целую вечность. Первый настоящий поцелуй у двадцатидевятилетнего парня. Мартын принялся расстегивать брюки. Дзинтра помогала ему. Наконец, брюки оказались на полу, а рука девушки – в трусах Мартына.

– Какой горячий! – прошептала она. – Нужно его немедленно охладить.

С этими словами она взяла Мартына за руку и повела в ванную. Ствол был выложен на край раковины, омыт холодной водой и обласкан мягкими ладонями. Нежные пальцы иногда пробегали по нему и слегка касались головки, не давая полностью угаснуть приглашенному пламени. Тут Мартыну пришлось в голову раздеть, наконец, девушку. Он взялся за подол комбинации. Дзинтра послушно поднял вверх руки. Когда скомканная комбинация оказалась на бельевой корзине, Мартын просунул руки под кружевной бюстгальтер, для чего ему пришлось развернуть Дзинтру спиной к себе. Он почувствовал, как соски набухают под его пальцами, и тут же пушка его уперлась в мягкие ягодицы, готовая выстрелить. Как будто и не было только что охлаждающих водных процедур.

– Расстегни сзади, – попросила Дзинтра.

И лифчик последовал за комбинацией.

– Хорошая у меня грудь? – спросила она, повернувшись лицом к возлюбленному.

– Прекрасная! – честно сказал Мартын.

– Держи вот так, не отпускай, – попросила девушка, прижимая к своей груди жадные ладони кавалера.

Мартын и не думал отпускать. Он удерживал руки на груди возлюбленной, даже, когда она стала опускаться на колени, целуя его мускулистый живот и охваченный пламенем пах. Наконец, рот ее достиг сокровенного, теплые, мягкие губы нежно сжали бунтующую плоть. Мартын сначала испугался, еще мгновение, и он бы выдернул, отпрянул, спасаясь от неизвестного. Но, опередив этот импульс, неведомое прежде блаженство разлилось по его телу, он почти кричал, извергая семя и чувствуя, как оно проглатывается. И впервые в жизни с уст Мартына, двадцатидевятилетнего женатого человека сорвались такие простые и такие трудные слова:

– Я люблю тебя!

В час ночи дежурный по эскадренному миноносцу старший лейтенант Устинов услышал звонок корабельного телефона.

– Дежурный по кораблю старший лейтенант Устинов! – отрапортовал он.

– Устинов! Пришлите мне журнал схода на берег офицерского состава, – раздался в трубке властный голос командира.

– Есть! – ответил Устинов, но вместо того, чтоб немедленно послать рассыльного с журналом в командирскую каюту, вышел из дежурной рубки и подошел к вахтенному у трапа.

– Старшина, – спросил он, – капитан-лейтенант Зайцев не прибывал?

– Никак нет! – четко ответил вахтенный.

Устинов кивнул и медленно отправился к рубке.

«Вот, ведь не спится «папе!» – с досадой подумал он о командире. В требуемом журнале против каждой фамилии сходящих сегодня на берег офицеров рукой Устинова было проставлено время возвращения. Против каждой, кроме Зайцева. Поставить против фамилии Зайцева время, например, «01.00» Устинов никак не мог. Вдруг «папе» придет в голову вызвать среди ночи к себе артиллериста. Где тогда окажется Устинов, молодой корабельный штурман, не имевший по службе замечаний? С другой стороны не хотелось подводить Мартына Зайцева, славного парня. Что, если он появится через минуту, а журнал будет уже у командира?

– Не уходи, останься во мне, – попросила Дзинтра после очередного любовного взрыва. Лежа на возлюбленной, Мартын уперся в ложе сильными руками, боясь причинить ей неудобство тяжестью своего тела.

– Зачем ты так? – пропела Дзинтра.

– Боюсь, я тяжелый.

– Глупый, ты же – любимый. Ляг на меня, пусть тела сольются, а не только...

Потом она сказала:

– Пойдем в ванную, теперь ты меня помоешь.

Теплая волна поднялась внутри Мартына, подступила к горлу. И не отступала, когда, измученный любовными играми, он лежал на спине, а она пристроилась, положив на его руку голову, а на его тело – согнутую в колене ногу. Сон подкрался незаметно и накрыл их обоих плотным, непроницаемым туманом.

– Дежурный, – раздался в трубке раздраженный голос командира, – что-то я не наблюдаю у себя рассыльного с журналом схода офицеров!

Отбой, короткие гудки.

Устинов, незаметно вздохнув, обратился к рассыльному:

– Отнесите этот журнал командиру.

– Есть!

Через минуту опять раздался звонок:

– Старший лейтенант, зайдите ко мне!

– Есть, – без энтузиазма откликнулся Устинов и, сказав рассыльному «я у командира», вышел из рубки.

– Почему не отмечено прибытие Зайцева?

Устинов не сомневался, что командир встретит его этим вопросом, но за время следования от кормовой рубки до командирской каюты так и не придумал ответа. Стоял, молчал.

– Не прибыл?

– Так точно.

– Что «так точно»? – усомнился командир. – Отвечайте конкретно: командир БЧ-2 на корабле?

– Никак нет! – доложил Устинов и почувствовал облегчение. Он протянул, сколько мог, а что еще можно было сделать?

Тэ-эк, – гневно произнес командир и забарабанил пальцами по столу. Потом, вспомнив про Устинова, скомандовал:

– Идите, правьте службу!

Ровно в семь часов зазвонил будильник. Дзинтра нажала на кнопку и некоторое время продолжала лежать. Ощущение счастья не покидало ее. Просыпающийся мозг стал рисовать картинку утреннего завтрака. Кофе она подаст Мартыну со сливками, а гренки – с джемом. Она хотел дотронуться до любимого, протянула руку, но никакого Мартына между собой и стенкой не обнаружила. Артиллерист покинул поле боя, не произведя шума и не обнаружив себя никаким другим образом. Дзинтра вздохнула, улыбнулась и стала собираться на работу.

– На флаг и гюйс мирно! – раздался зычный голос дежурного офицера. Команда эскадренного миноносца «Озаренный», построенная по подразделениям на верхней палубе, замерла, образовав живое каре. На правом фланге каждой боевой части – ее командир.

Только штурман, командир БЧ-1, не возглавляет свою боевую часть, стоит у флагштока. Он-то, как дежурный по кораблю, и командует церемонией. Сигнальщик держится за флаг-линь, готовый к поднятию Военно-Морского Флага. Это – на корме. На носу у гюйс-штока стоит другой сигнальщик, готовый к поднятию гюйса. А рядом со штурманом прогнулся, задрав голову, горнист и заливается, выдувает рулады, прописанные в приложении к Корабельному Уставу. Все застыли, слушая знакомую до каждой нотки музыку. Застыла и группа командования, ближе других находящаяся к флагштоку: командир, старпом и замполит. На лицах матросов – дисциплинированная неподвижность, на лицах офицеров – вдохновение, вызванное торжественностью минуты, преданность делу, которому они добровольно посвятили жизнь. Офицеров командир видел уже сегодня за траком в кают-компани – всех кроме Зайцева. Командир скосил глаза в сторону БЧ-2. Зайцев был на месте. И все – как положено: надраенные пуговицы на кителе, белоснежная полоска подворотничка, непроницаемое, полное служебного рвения лицо.

Истекла положенная минута, горнист закончил свое соло, раздалась команда «флаг и гюйс поднять»! Подняли. «Начать развод на работы и занятия»! Командиры вышли из строя, повернулись лицом к своим командам, и началось «военно-морская планерка».

– Командир БЧ-2!

– Есть!

– Зайдите ко мне после развода.

– Товарищ командир, я провожу занятия по специальности со старшинским составом.

– Дайте задание на самоподготовку и зайдите ко мне. Жду вас в восемь пятнадцать.

– Есть!

* * *

*Мы большие и мудрые. Мы шагаем друг другу
навстречу.*

Под ногами земля – далека-далека.

Мы находим друг друга. Я кладу тебе руки на плечи.

И у наших коленей плывут, не спеша, облака...

Мартын Зайцев в принципе никогда не врал. Жизнь его до сих пор складывалась без загогулин, тупиков и уверток, карьера была ясна, как траектория артиллерийского снаряда – какие тут враки? В общем, опыта в этом смысле у него не было. Поэтому на гневный вопрос командира: почему, когда и с кем, он стушевался. А, стушевавшись, покраснел. Не мог он рассказать о том небывалом, что свалилось на него. Не мог, хоть его режьте. Шесть пар глаз – командира, замполита и старпома – уставились в его мгновенно вспотевшую физиономию.

– Ну? – с нетерпением спросил командир.

– Ну? – вторил ему замполит.

– Ну-ну! – подстегнул старпом.

И артиллерист пустился в тяжкие.

– Я встретил школьного товарища, – соврал он. – Товарищ здесь в командировке. Мы сильно выпили, я таком виде не мог появиться на корабле. И заночевал у него в номере. – Мартын представил одноместный гостиничный номер и добавил для убедительности – на диванчике.

Вобщем-то ему поверили. Только замполит удивился:

– А чего вы так покраснели? Мартын пожал плечами:

– Рыжие вообще краснеют чуть что.

Пронесло. Если, конечно, не считать возмущенных нотаций, которые закончились дисциплинарным взысканием, а именно – выговором.

Пока начальство читало Мартыну нотации, он выглядел очень серьезным. Лицо выражало напряженную работу мысли. О чем же думал в этот момент ас нарезной артиллерии? Слова о моральной устойчивости советского офицера пролетали мимо его сознания, не причиняя беспокойства, как холостые снаряды. Мартын мучительно искал ответа на вопрос, что именно, какая повадка девушки так тронула его дремучее дотоле сердце? Ведь, он потянулся к ней всем своим существом еще до первого поцелуя и еще раньше – до первого танца. Но что именно? Глаза? Улыбка? Фигура? Да, конечно. Только это не главное. У других тоже глаза. И фигура. Но ведь не щемит же сердце от каждого женского взгляда! И вдруг он понял. Все вспомнил и понял. Наклон головы, вот что! Легкий наклон головы вправо. От чего взгляд ее казался лукавым и чуточку оценивающим.

– Вы поняли? – закончил воспитательную речь замполит.

– Понял, – честно сказал Мартын и улыбнулся.

– Добро, если поняли. Вечером принесете мне конспекты политзанятий. И Мартын был отпущен в каюту. С выговором. Но, как говаривали на флоте, выговор – не туберкулез, носить можно.

В Горисполкоме, как в любом советском учреждении, имелся начальник Гражданской Обороны (ведомственное сокращение – ГРОБ). Звали его Василием Савельевичем, был он подполковником запаса. Все ГРОБы возглавляли недавние офицеры. По положению они получали полную военную пенсию и полную зарплату – вместе с премиальными, которые зараба-

тивали обучаемые ими коллективы. Очень часто (в особенности в прибалтийских республиках) начальники Гражданской Обороны возглавляли и партийные организации. Подполковник запаса Василий Савельевич не был исключением. Он был предложен райкомом и, конечно же, единогласно избран секретарем партбюро небольшого коллектива служащих Горисполкома. И уже не как начальник ГРОБа, а как секретарь, чувствовал ответственность за морально-бытовой облик любого работника, независимо от его партийной принадлежности. Само собой разумеется, что в скором времени Дзинтра оказалась в служебном кабинете начальника ГРОБа. Не станем утомлять читателя пересказом воспитательной беседы, заметим только, что беседа представляла собой монолог Василия Савельевича, при чем речь его была соткана из многозначительных штампов, таких, как «моральный кодекс строителей коммунизма», «семья – ячейка нашего советского общества», «Моральный облик советского офицера», «девичья честь» и «пятно на комсомольскую организацию органов городского управления». Дзинтра слушала спокойно, аккуратно уместившись на краешке стула, не возражала и дисциплинированно кивала в самых патетических местах. У Василия Савельевича сложилось впечатление, что слова его достигли цели, и молодая сотрудница раскаивается. И чтобы закрепить победу социалистической морали, задал девушке итоговый вопрос:

– И как вы намерены поступить?

Дзинтра улыбнулась:

– У меня пол-отпуска не использовано. Съезжу, навещу родственников.

– Очень хорошо, – обрадовался партийный руководитель. – И дурные мысли выветрятся из головы.

– Мартын Сергеевич, – ласково спросил замполит, а что это за девушка, с которой вас несколько раз видели в городе?

– Да так, – прожал плечами Мартын. – Одна девушка знакомая...

Замполит по-отечески погрозил Мартыну пальцем. – С этого все начинается: сначала знакомая, потом – больше. Мартын Сергеевич, я вам добра желаю. Не одна карьера поломалась из-за легкомыслия. Вот вы котируетесь на должность дивизионного артиллериста. У вас все должно быть без сучка, без задоринки. А вы на корабль вовремя не явились, выговор огребли. Теперь, пока взыскание с вас не снимут, документы подавать нельзя.

Мартын молчал, по обыкновению краснея.

– Вы, вот что: вы съездите-ка на побывку. У вас по графику – с понедельника. За восемь дней дома дурные мысли, если они у вас есть, выветрятся из головы. С командиром я уже согласовал. Он не возражает. Так что скажите строевому писарю, пусть выписывает вам отпускной.

– Есть! – сказал Мартын. – Разрешите идти?

– Идите.

* * *

*И становится прошлое зыбким,
И становится странным, увы,
Что на судьбы влияли улыбка,
Тихий голос, наклон головы.*

Небольшой латышский городок Эн отличался от других прибалтийских курортов наличием нудистского пляжа. Никакой вывески о характере пребывания на нем отдыхающих граждан, впрочем, не существовало, ограды – тоже. От соснового лесочка к воде сбегала через пляж узкая полоска кустов шиповника. То ли он был естественного происхождения, то ли кем-то заботливо высажен в незапамятные времена. Одурачивающей силы запах колючих роз встречал каждого, кто приближался к освоенному нудистами участку пляжа. Вот уж где не к месту была бы фраза «дурно пахнущие развлечения», хотя окажись здесь любой работник идеологического фронта, такая фраза непременно сорвалась бы с его праведных уст.

Порой возле кустов можно было заметить пару пожилых мужчин, честных пенсионеров в семейных трусах и соломенных шляпах, которые, таясь, подглядывали за соседним участком, передовая Друг другу подзорную трубу. Один, усевшись на вылинявшем покрывале, как бы читал газету, трогательно маскируя этой развернутой газетой второго, подглядывавшего.

Между тем от дороги, от узкой лесной дорожки, нудистский пляж был отгорожен зеленым забором с воротцами, в которые мог не только пройти человек, но и осторожно проехать грузовой автомобиль, например, «ГАЗ-51» или даже «ЗИЛ-164».

Потому что здесь располагались прокат топчанов, шезлонгов и прочих пляжных принадлежностей, а так же кафе и маленький ресторанчик. Как-то что-то надо же было сюда привозить, не говоря уж о стройматериалах. Кроме того, имелся трехэтажный деревянный корпус-раздевалка, состоявший из несметного количества миниатюрных кабинок, снабженных двухместными скамеечками. В кабинки заходили люди одетые, а выходили – раздетые до нуля. Голые люди шли, как ни в чем не бывало, к воде, валялись на песке, играли в волейбол. Они чувствовали себя спокойно среди себе подобных. Иногда, как это бывает на отдыхе, затевались случайные беседы и споры, и то, что спорящие или беседующие мужчины и женщины были, что называется, без трусов, ровным счетом никого не волновало. Никакого контроля на входе на нудистский пляж не было. Висело только два кустарно выполненных знака наподобие дорожных: перечеркнутые красной полосой женщина в длинном платье и мужчина в костюме. Если же кто по незнанию появлялся на пляже не голышом, к нему подходили добровольные ревнители порядка и, не прикрывая срама, объясняли, что к чему.

Узнать наших героев среди скинувших покровы людей было несложно. Рыжая голова Мартына словно отбрасывала свет сиявшего в небе светила, а фигура Дзинтры... А волнующее тело Дзинтры на фоне волнующегося моря...

Мартын первым вышел из воды и бросил пружинистое тело на подстилку. Дзинтра появилась на песке чуть позже. Она медленно шла по направлению к любимому, а Мартын смотрел на нее во все глаза, словно впервые увидел эти покатые плечи, эти полные груди, которые, оставшись без бюстгальтера, слегка опустились под собственной тяжестью, всего лишь слегка, так, что крупные красные соски смотрели не вниз, а прямо и даже немного вверх, как маленькие пушки универсального калибра. Все это великолепие искрилось каплями влаги, девушка не спешила вытираться, предоставив влажное тело теплему ветру. У Мартына возникло неожиданное желание слизнуть языком соленые капли с ее великолепных сосков, и он вдруг понял, что не может подняться, не обнаружив срамных помыслов. Он и не поднимался с подстилки,

смотрел на подошедшую Дзинтру и мученически улыбался. Дзинтра наклонилась, коснувшись грудью его плеча, достала из-под подстилки полиэтиленовый пакет, а оттуда – бутылку минеральной воды, еще холодной. Протянула Мартыну:

– Охлади его, вылей сразу все. – Глаза ее смеялись. Мартын повернулся на бок и со словами «зачехлить оружие!» вылил газированную минералку на воинственную боеголовку. И смог встать во весь рост. В этот момент в него угодил волейбольный мяч. Мартын ловко его поймал и отправил обратно в кружок волейболистов.

– Пойдем, поиграем с ними, – предложила Дзинтра.

Мартын присмотрелся к игрокам. Как это часто бывает на пляже, игроки были самых разных калибров. Кто-то с трудом отбивался от мяча, а кто-то обнаруживал повадки настоящего мастера. Отличалась одна женщина лет сорока, сухощавая, жилистая, казалось, она подчиняла себе окружающее пространство, всегда оказываясь в той точке, куда приходил стремительно посланный мяч. Грудь ее болталась при резких движениях, то есть, все время.

– Оторвутся! – вслух подумал Мартын.

– Не оторвутся, – засмеялась Дзинтра. – Крепко пришиты.

Мартын засмотрелся на другую женщину. Она была малоподвижна, как бы нехотя топталась, переваливаясь с боку на бок. Но движения ее были точны, она мягко принимала мяч, никогда не мазала. Это была настоящая толстушка: полные ноги, выразительный живот, небольшие, полные груди. Мартыну вспомнилась знаменитая картина Гойи.

– «Маха обнаженная», – тихо сказал он, наклонившись к Дзинтре.

– Да, пожалуй, – ответила просвещенная латышская девушка. – Однако, нехорошо засматриваться на женщину. Это может не понравиться ее кавалеру. Видишь, он вышел из кружка и идет к нам.

Мартын пожал веснушчатými плечами. Он был парнем не робкого десятка. Спокойно стоял, ждал развития событий. Молодой человек, не спеша, как бы прогуливаясь, приближался к ним. Он был худощав, высок, строен и белокур. Прибалт, потомок викингов. Подошел близко, на расстояние двух шагов и уставился на Дзинтру, упер в нее оценивающий взгляд. То ли это была плотоядность – в нарушении неписаных правил нудистского пляжа, то ли, что верней, он возвращал Мартыну его мяч: ты рассматривал мою девушку, а я теперь в отместку рассматриваю твою. Артиллерист не стал вдаваться в причины такой наглости. Он вышел вперед, заслонил собой Дзинтру и твердым немигающим взглядом уставился в светло-голубые глаза молодого латыша. Тот нагло усмехнулся и, лениво развернувшись, отправился обратно – бить по мячу. Мартын обернулся. Дзинтра беззвучно хлопала в ладоши. Как же она была хороша! И как желанна! Вдруг стало ясно, что еще мгновение, и он опозорится прилюдно, и не было под рукой холодной воды охладить непокорную плоть. Стараясь не смотреть на свою подругу, Мартын решительно направился в раздевалку. Дзинтра поспешила за ним. Едва захлопнулась деревянная дверь каморки, тела их сплелись, и Дзинтра прошептала:

– Какой ты нетерпеливый, Мартын!

– Но я не могу, это свыше моих сил!

– А множество голых женщин разве не притупляет восприятие?

– У кого-то, может быть, и притупляет, у меня – обостряет, – прошептал Мартын и впился губами в ее грудь.

– Осторожно, не целуй так, синяк останется. Мы же голые на пляже!

Мартын пробежался губами по груди, достиг соска. Он взял его в рот и принялся посасывать и теревить языком. Руки его были заняты, они сжимали ягодицы девушки, и, казалось, не было в природе силы, способной прекратить это страстное пожатие.

– И пристроиться негде, нагледя от страсти, прошептал Мартын.

Дзинтра между тем начинала трепетать: эти пожатия и манипуляции с сосками приводили ее в настоящее неистовство. Она подняла левую ногу, завела ее Мартыну за спину, рукой

же нежно взяла пылающий член артиллериста и ввела его в себя, для чего понятливому кавалеру пришлось слегка присесть.

– О-о-ох! – пропела Дзинтра.

Мартын же выпрямился, оторвав девушку от дощатого пола, и продолжал соитие, держа даму на весу. Дама прижималась к нему всеми клеточками роскошного тела, обвив моряка руками и ногами, моряк же только слегка покачивался, широко расставив ноги, как на корабельной палубе во время шторма. Однако, ни один шторм, как известно, не длится вечно. Этот шторм в миниатюрной раздевалке тоже сменился штилем, и обессиленные любовники долго еще сидели рядом на короткой скамеечке, расслабившись и ничего не говоря, только голова девушки покоилась на крепком плече артиллериста. Едва обретя дар речи, Дзинтра произнесла:

– Боже, до чего хорошо!

Она произнесла это по-латышски, но Мартын понял, не зная слов, и согласно кивнул рыжей головой.

В гостиничном ресторане не просто ужинали. Здесь отдыхали, то есть, в перерывах между принятиями пищи танцевали под музыку полупрофессионального оркестра. Народу на танцевальном пятачке собиралось немало, порой некоторые пары сталкивались и отскакивали друг от друга, как электрические вагонетки в парковом аттракционе. Мартын уверенно вел свою даму между танцующими парами. Так опытный лоцман проводит доверенное ему судно в узкостях между рифами и плавающими навигационными знаками. Он был в штатском. То есть, брюки на нем были, конечно, форменные, но флотские офицерские брюки к счастью ничем не отличались от гражданских изделий, это было очень удобно. Бобочка-рубашка с короткими рукавами – салатного цвета дополняла его туалет, подчеркивая атлетизм фигуры и являя публике сильные загорелые руки. Если бы кто-нибудь внимательно взгляделся в его левую руку, которой Мартын обнимал за талию свою даму, зафиксировав ее (руку) так, что она являлась опорой для танцующего тела, если бы кто-нибудь в эту руку взгляделся, то обнаружил бы в районе запястья светлую полоску на загорелом фоне – след от недавно живших на этой руке часов. А где же сами часы? – может возникнуть законный вопрос. – Сами-то часы, крупные, модели «Командирские» со светящимся в темноте циферблатом, полученные Мартыном Зайцевым от Главкома ВМС за призовую стрельбу, – где? Вопрос задан, требуется ответ. Вот он: Продал Мартын часы, сдал в скупку за приличные деньги, благо на «Командирские» был большой спрос у гражданского населения. По крайней мере, в Прибалтике. Продал, и на вырученные деньги, в частности, «ужинал» сегодня свою даму, как говорят малограмотные ловеласы. Что-то затеяли музыканты, какую-то быстрюю отсебятину. Мартын напрягся, маневрирую. Однако же, на тебе! – столкнулся. Вернее, его толкнули, и чувствительно. Мартын сжал зубы, чтобы возникшие в его возмущенном нутре слова не вырвались наружу и не осквернили слуха прекрасной Дзинтры. Солист пел что-то разухабистое, даже, можно сказать, не пел, а выкрикивал ключевые слова, оркестр наяривал быстрый фокстрот. Быстрый-быстрый фокстрот. Ну, что ж, быстрый, так быстрый. Как сказал легендарный кино-Чапаев:

– Психическая? Давай психическую!

Мартыну ли робеть? После шикарных танцев в ленинградском Мраморном зале? Училицных вечеров? Дом-офицерских «трясучек»?

Опять толкнули. Сильно и явно – специально. Мартын резко взглянул на обидчика. Ага, старый знакомый! Белобрысый парень с нудистского пляжа со своей толстушкой. Приехали! Что ему, черт возьми, надо? Не любит русских? Не любит военных? Не любит рыжих? Или лично Мартына Зайцева?

«Ладно, уродец нехороший, – подумал Мартын. – Теперь мой выстрел». И повел свой экипаж на сближение с супостатом. Дзинтра сразу заподозрила неладное. Да и как тут не запо-

дозреть? И белобрысого этого узнала. Заподозрила, но бунта на корабле поднимать не стала, послушно затанцевала вместе с Мартыном по направлению к враждебной паре. Мартын был настроен решительно, противник же об этом и не подозревал, и, как только позволило расстояние, пнул Мартына оттопыренным задом.

Тут уж все.

Тут уж можно было бить прямой наводкой.

Потому что с нами так нельзя, с флотскими.

С флотскими артиллеристами.

С мамонтами, черт возьми, нарезной артиллерии.

И вот уж – шаг в сторону.

Не танцевальное па, просто шаг.

Одного шага оказалось достаточно.

И в следующее мгновение каблук военно-морского ботинка с силой опустился на лакированный туфель задиристого нудиста.

– Ой! – ойкнул танцор, потеряв мужественность.

Затем, бросив даму, обернулся, сжав кулаки.

И наткнулся на непробиваемый взгляд.

Мартын стоял, широко расставив ноги и слегка пригнувшись. Напряженные ладони были равно готовы сжаться в кулаки и сомкнуться в борцовском захвате. Глаза сверлили забияку. Дзинтра стояла за его спиной, опустив руки. Она была совершенно спокойна. Она была спокойна за спиной Мартына, как за каменной стеной. Парень тихо выругался по-латышски и отправился к своему столику. Этот инцидент не испортил Мартыну настроение. Напротив. Он чувствовал себя храбрым рыцарем, который не оплошал, не дрогнул, не уронил себя в глазах прекрасной дамы. Это придавало... И они с Дзинтрой продолжали вечер, почти не покидая танцевального круга.

Однако вечером Мартына поджидало новое испытание, посерьезней испытания нервов и кулаков. Это было, выражаясь высоким слогом, испытание жизнью.

Едва они с Дзинтрой оказались в своем номере, зазвонил телефон. Дзинтра сняла трубку. Это был внутренний телефон гостиницы. «Городских» телефонов в номерах не было. Дзинтра с удивлением посмотрела на Мартына:

– Тебя.

– Товарищ Зайцев? – услышал он приятный женский голос. Акцент его не портил, напротив придавал некую доверительность. – У меня для вас телеграмма. Спуститесь в рецепшен.

– Что за рецепшен такой? – удивился Мартын.

– Это – дежурная часть гостиницы, где нас поселяли, – объяснила Дзинтра.

– Понятно, – проворчал Мартын. – Так бы и говорили – «дежурная часть»...

Мысли его, однако, были заняты другим. Никто в целом свете не мог знать, где он находится. Никто кроме одного человека. Этим человеком был корабельный штурман старший лейтенант Устинов. Только ему сообщен был адрес пребывания артиллериста. На случай экстренного боевого сбора. «Неужели сбор? – думал Мартын. – Корабль же еще не вышел из ремонта, не сдал первую задачу! А может, срочно посылают на подмену? Заболел какой-нибудь артиллерист с плавающего корабля...» Телеграмма была точно от штурманца. Она отличалась лаконичностью и образностью. Вот ее текст:

ПОЛУНДРА В ГОРОДЕ ЛИЗАВЕТА

– Приехали, – сказал Мартын, вернувшись в номер. С этими словами он протянул Дзинтре телеграмму. Девушка долго молчала, думала. Потом посмотрела на Мартына своими прекрасными глазами и спросила:

- А что такое «полундра»?
- Это такое слово неофициальное, – объяснил Мартын. – Морской жаргон. Означает «Осторожно: опасность».
- Понятно, – сказала Дзинтра. – Лизавета – это твоя жена? Мартын кивнул.
- А почему она в городе? И почему полундра?
- Видишь ли, Дзинтра, нас, каждого, раз в сорок дней отпускают на неделю домой. Лиза знала, когда я должен приехать, а я не приехал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.